Ерофеев Венедикт Васильевич 28.10.98

Венедикт ЕРОФЕЕВ. 24.X.1938 – 11.V.1990

Петушки с большой буквы «Э»

Еще один город, до которого не добрался Веничка

«КАКОГО еще отмороженного? – думал я, возвращаясь из тамбура, где выбрасывал фантик от мороженого, пока не сфокусировал зрение на гуманоиднолицем типе шахтерского телосложения:

– У тебя расписание сфиздили, – попутчик радовался этому настолько зло и грубо, что я бы, наверное, его и заподозрил, если бы понимал, о каком расписании идет речь. Думал я над этим ровно до тех пор, пока меня не пырнули в живот божественным «расписанием» «Москва–Петушки»: «На, дурик, в следующий раз деньги возьму за секьюрити».

Вагончик Веничек

ЕСЛИ БЫ я ехал утром в одну из пятниц 1970 года, я бы ответил обидчику с позиции силы. Но за окном был поздний вечер 1998-го, а внутри – то, что не виделось автору «Петушков» даже в самых его болезненных видениях.

Четвертый вагон горьковского направления в пятницу вечером – это Смольный осенью семнадцатого года. Торжество подмосковного пролетариата, возвращающегося с работы, над общественным порядком, естественной монополией МПС и верой в будущее России. Вагон-ресторан пополам со «Столыпиным».

Выслушав краткую лекцию на тему «Это не расписание, а «Москва-Петушки», Александр Сергеевич Передера (так звали «шахтера») сформулировал три тезиса: 1.Книги сейчас только бабы читают; 2.Таких тудаков, как твой Веничка, тут полный вагон; 3.Если хочешь со мной выпить, не выегивайся, а покупай сам.

Последнее, что делал этот Александр Сергеевич в моем присутствии, – находясь в межвагонном пространстве, боролся за дверь с щупленьким крестьянином и орал в том смысле, что «здесь не место для прогулок, а я писаю». Мужику пришлось бежать в следующий вагон по фрязевской платформе.

Фрязево – это Фрязево, а не Фрязино, которое с Ярославского вокзала. А знаменит этот крупнейший железнодорожный узел своим самым дурным переездом, который год назад приказал-таки долго жить. Нехорош он был не только оживленным движением, но и автоматическим шлагбаумом, работающим по принципу самооткрывающихся дверей. Электричке еще на платформе стоять и стоять, а шлагбаум уже закрыт. Наконец она сваливает, но ее место занимает какой-нибудь маневровый. Машин здесь скапливалось на километры. Водители еще в советское время готовы были скинуться по десять копеек, лишь бы мост построили.

«Мечту дальнобойщика», наконец, воздвигли, и радоваться по этому поводу приехал даже московский футболист Лужков. Но тут же во Фрязево разрушили другую достопримечательность – станционный сортир, именуемый в продвинутом простонародье «исчадием зада», к которому, впрочем, все привыкли и даже его полюбили. Без митинга не обошлось. Как сейчас помню убитую горем старушку, топающую ногами по святу месту и называющую говном и далеких, и близких.

Славься, отечество!

ТЕПЕРЬ необходимо сделать признание, до которого, впрочем, ни одному читателю «ОГ» нет дела. Петушки для меня такая же небылица, как для Венички Кремль. Вот уже четверть века я выхожу во Фрязево, сажусь на 38-й автобус и еду в родной город Электросталь.

Единственным проявлением культуры с большой буквы «К» в городе металлургов можно считать поэта-концептуалиста Яна Сатуновского, современника Венички, дожившего здесь свои дни. Что же до меня, то чем дальше от славного прошлого, тем больше испытываю по ржавеющему на ветру белью и слухам, что именно на нас упадет первая американская атомная бомба.

Шутка ли – четыре промышленных гиганта союзного масштаба: один варит сталь, другой делает ядерное топливо, третий – средства химической защиты, а четвертый – король тяжелого машиностроения. Плюс Радиоцентр им. Коминтерна мощностью 500 кВт, который во времена Венички глушил вражеские волны и охранялся собаками.

Только за четыре года Великой Отечественной электростальский Машзавод сделал столько снарядов, бомб и мин, что, если поставить их вплотную в одну линию, получилось бы полтора экватора. И я горжусь этим «чем хуже, тем больше». Каждый раз, когда прохожу между заводом «Электросталь» и «ЭЗТМ», испытываю трепет, потому что знаю: раньше здесь была не улица, а железный пешеходный мост, с которого открывался вид на все цеха, и, наверное, это было потрясающее зрелище. Я не видел, но видел дед мой, когда, накинув себе год, чтобы поступить в ремесленное училище, шагал по нему в 43-м. А водку в те времена здесь пили только старики, воспитанные при царском режиме.

А теперь, Веничка, а теперь что?! «Электросталь» варит не столько сталь, сколько баварское пиво, из труб «ЭЗТМ» – ни дымка, на радиоцентре им. Коминтерна один только передатчик фурычит. Лишь Машзавод носит еще гордое имя крупнейшего в мире поставщика ядерного топлива и кальция. Но и он, стыдно сказать, бытовую технику поделывает. В логове холодной войны – утюги «Филипс»!

Что уж говорить об инфраструктуре. Вытрезвитель на хозрасчете, подбирает только хорошо одетых. Но и из них лишь половина оказывается платежеспособными. А заведующий наркологическим диспансером на свои деньги купил недавно бутылку водки, разбавляет ее спиртом до 76 градусов и только таким образом делает уколы и выводит из запоя.

Трезвость и бескультурье

УВЕРЕН, это ты смог бы еще вытерпеть, бессмертный автор «М–П», но дальше – слушай со слезами на глазах. Вот местная газета «Молва» со статьей об «Обществе анонимных алкоголиков» – весьма тоталитарной, как мне показалось, организации. Знаешь, как они называют таких, как ты? «Химически зависимые». А что они предлагают взамен «Петушков»? «Синюю книгу» с программой «АА–12 шагов». АА – это анонимные алкоголики, а 12 шагов не позволил бы себе сделать ни один уважающий себя читатель твоей бессмертной поэмы, Веничка.

Главный у них там Егор Тимофеич. На заседание меня не пустил: они ж, говорит, анонимные. Самих АА даже не спросил. И начал: дескать, единственное спасение для них – не пить до конца дней своих, а возможно это только в нашем благословенном обществе АА, так что жизнь свою хочешь не хочешь нужно прожить так, чтобы три вечера в неделю посвящать заседаниям группы. Это когда садятся двадцать «трезвых алкоголиков». Сначала по очереди бредят на тему «Как я прожил день минувший», потом представляются: «Я алкоголик Саша», «Я алкоголик Маша», хотя и так каждый знает, как кого зовут. Потом читают по кругу всякую ересь из своей литературы. Потом установка на следующий день, денежные сборы и молитва: «Боже, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость всегда отличать одно от другого». Мне так и не удалось убедить Тимофеича, что это из Воннегута.

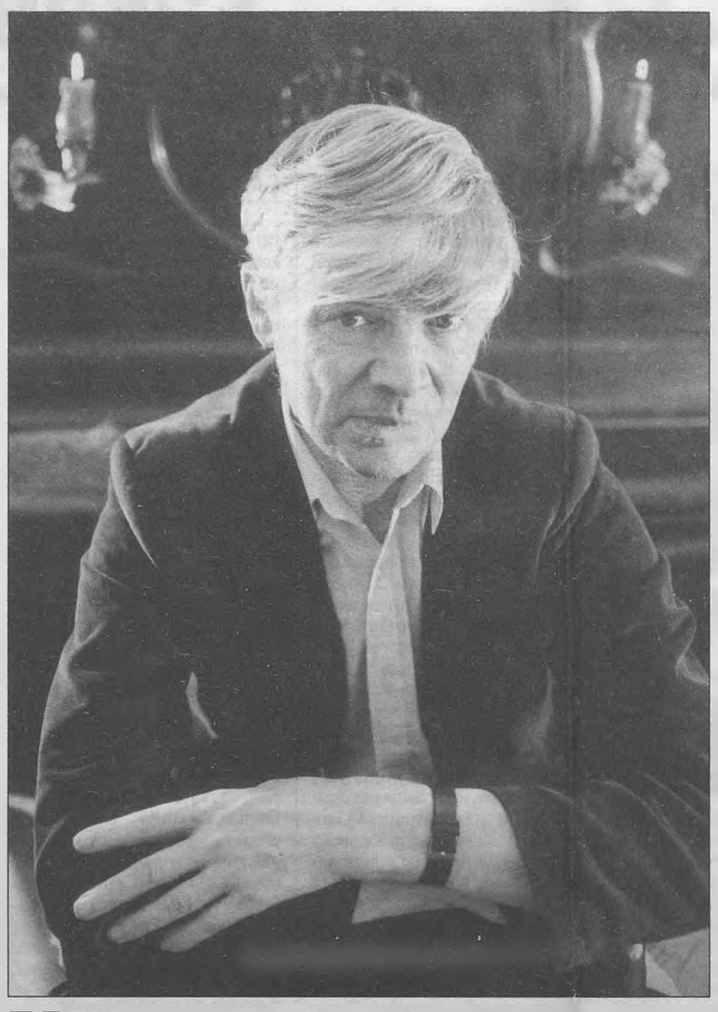
Я спросил его – а как же русская культура, как же «все ценные люди России», которые «поголовно пили, как свиньи» (помнишь разговор ваш как раз перед Фрязево?), а он мне: «Это не культура, а субкультура. Это не духовность, а псевдодуховность, потому что нет такого Бога, который пил бы до потери человеческого облика». Так он, может быть, потому и Бог, что потерял человеческий облик. Как тебе эта мысль, Веничка?

●●●

Жаль, рассказываю я все это не тебе, а лысому попутчику, который подсел во Фрязево. А он мне – про бывший особняк помещика Малютина, ставший потом клубом, охраняемым памятником Ленина. Продавали его недавно какому-то москвичу под дачу с одним условием – вождя не трогать. Так что Ленин теперь стоит посреди огорода. Кто он теперь – пугало или будда?

Дмитрий СОКОЛОВ

Никаких аплодисментов



УТРОМ, в осеннюю пятницу, с Курского вокзала электричка Москва – Петушки отошла от перрона, унося с собой повествователя, именуемого Веничка Ерофеев. Мы будем называть его по имени, автора же – по фамилии или В. Ер., как он любил подписываться; в частности, потому, что «вер» по-немецки «кто?». «Очень похоже, – говорил он, – на дурацкий псевдоним Анненского «Ник. Т-о», а мне, дураку, как раз такой и впору».

Веничка бежит от действительности, от запропастившегося Кремля и вездесущего Курского вокзала в далекие (125 км) Петушки, где, если верить ему, не умолкают птицы и не отцветает жасмин. Это «езда в остров любви», а между тем действительность, от которой, как от собственной тени, не убежишь, следует вместе с ним, поминутно преображаясь и неразличимо сливаясь с фантастикой – духовной средой Венички. Сама по себе действительность «фигуры не имеет» и лишь обуславливает повествование. Герой-рассказчик претерпевает ниспосланное, и знать, что с ним происходит или произойдет, «в каком жанре он доедет до Петушков», ему не дано.

Можно даже сказать, что он обращен к действительности спиной и воспринимает ее как побуждение к речевой активности, составляющей существо рассказа. Недаром никто еще не сумел ответить на вопрос, о чем, собственно, повествует поэма, «про что» она? Некоторые критики, особенно публицистического толка, намекали, что им-то известно «про что», но тут же воспаряли к таким отвлеченностям («трагическая судьба российского алкоголика», «борение и распад личности», «водка как религия народа»), что текст поэмы сразу пропадал из виду.

Впрочем, общепринятые ризы социальной, философской и религиозно-психологической проблематики примерялись на поэму издали, при малейшем приближении к ней расползались, и она оставалась какой-то внепроблемной. Странноватая проза, хотя из ряда вон выходящей ее не назовешь, потому что она заведомо не стояла ни в каком ряду. Единственное бесспорно подходящее к ней определение – «сказовая», и означает оно всего-навсего установку на устную речь рассказчика.

Рассказчик – тезка и двойник автора, но считать автора двойником своего литературного подобия – на это способны только самые сердобольные литературные критики, из тех, кто прозревает сквозь поэму прискорбный алкоголизм ее сочинителя: социально обусловленный, разумеется.

Казалось бы, впору ловить себя за руку: рассказчик – рассказывает, а значит, имеет если не четкий, то хотя бы явственный речевой облик! И правда, облик есть, но опять-таки несколько призрачный: демонстративное простодушие, искренность и благожелательность Венички эту призрачность странным образом усугубляют. Язык у него вроде бы и вполне разговорный, только непонятно – чей: он начисто лишен социальных признаков. Литературность сочетается с просторечьем, выспренние поэтические обороты с руганью...

Изнутри текстового лабиринта парадоксы и несообразности, алогизмы и выкрутасы воспринимаются как должное. Однако поиски значения или назначения поэмы обычно уводили от текста – и тогда его свойства становились загадочными и вызывали недоуменную реакцию. Чаще всего от него просто отворачивались с почтительным или даже восторженным выражением, но иной раз и отталкивались, доходя аж до обличения «ерофеевщины». Случай редкий, но зато вполне характерный, нападки, как правило, выразительнее похвал. Вот, например, является на широковещательных страницах прогрессивного еженедельника некий Черт Иваныч и с профессорской миной берет в оборот самые, может быть, безмятежные фразы поэмы: «мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес соленые рыжики собирать. Да плюньте вы ему в его соленые рыжики! Давайте лучше займемся икотой!.. »

Черт Иваныч во всем пассаже заметил только имя собственное Солоухин, а все остальные слова счел неуместными и неостроумными. Я и сам, говорит, ненавижу Солоухина за то, что он у меня, говоря по-нашему, по-профессорски, пробуждает исключительно негативные эмоции, но авторские слова – не крылаты, и не умеет автор издеваться над Солоухиным! Ну не беззубая ли это проза? Не лишена ли она таланта и творческого остроумия? И зачем вообще написана поэма? Где ее художественные свойства?..

С точки зрения Черт Иваныча вопросы очень законные. От чего ни оттолкнись, они тут же возникают. Почему автор швыряется грубыми словами, а точного эмоционального удара нанести не умеет? Возьмите хотя бы зацитированные фразы: «Я... снизу плюю на всю вашу общественную лестницу... На каждую ступеньку лестницы – по плевку. Чтобы по ней подниматься, надо быть жидовскою мордою без страха и упрека, надо быть пидорасом, выкованным из чистой стали с головы до пят». Ну где здесь особенный блеск? Нет его, а есть, если выразиться научно, амбициозно-эгоцентрический напор. К лицу ли он подлинному российскому писателю? Нравственный ли это пафос? Разве так обличают?..

У Черт Иваныча (образ, понятно, собирательный) найдутся и другие укоризны автору. Например, в том, что композиционная динамика отсутствует, главы-близнецы механически сменяют друг друга, язык сильно износился.

Здесь все по делу, только все наоборот, от противного. Нет – значит есть; нет композиционной динамики – значит есть динамическая композиция.

Точно так же, то есть наизнанку, желательно принять к сведению и языковые претензии. Скажем, что язык износился. Оно бы и немудрено: износишься тут, если поэму просто-таки разобрали на «обветшалые» словосочетания и конструкции. Но в прошлое вместе с временем написания они не уходят, потому что пребывают в нескончаемом российском безвременьи. Интонации, ритмика прозы образуют ее особое качество, тот противоток, который постоянно видоизменяет повествование, искажает и обессмысливает (вернее – направляет к абсурду) всякую сюжетную подсказку.

Поэтому фразы и даже целые пассажи легко извлекаются из текста, сохраняя его отблеск. Сохраняют прежде всего то, что – в данном случае очень приблизительно – именуется юмором, потаенную и загадочную всеобъемлющую усмешку, подоплеку ерофеевского сказа.

Она чувствуется со вступительных слов авторского «Уведомления»: «Первое издание «Москва – Петушки», благо было в одном экземпляре, быстро разошлось». (Тут надо сразу сообразить, что никакого «первого издания», конечно, не было, а «второе» было тоже в одном экземпляре.) Она порождает умопомрачительный зачин текста: «Все говорят: Кремль, Кремль». «Юмор» обеспечивает зыбкий (нередко ложный) подтекст повествования: «Не мог же я пересечь Садовое кольцо, ничего не выпив?»

Очень часто смысловой заряд производит оглушительный холостой выстрел: это, кстати, приводит в сугубое недоумение Черт Иванычей. «Гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм».

Кажется, лучшее описание ерофеевской прозы задолго до ее возникновения дано у Н.М. Олейникова:

Наливши квасу в нашатырь толченый,
С полученной молекулой не может
справиться ученый.
Молекула с пятью подобными
соединяется,
Стреляет вверх, обратно падает
и моментально уплотняется.

Тема «Ерофеев и религия» возникает нередко и довольно безосновательно. О самоотождествлении его с Ним и речи быть не может (хотя и была): такое дурацкое и постыдное кощунство никак не идет к его облику. Кстати, оно бы свидетельствовало о том, что автор ни уха ни рыла в религии не смыслит и очень далек от нее индивидуально. Ни то ни другое не верно; повторяю, однако, что сочинения Ерофеева не дают ни малейших оснований судить о его религиозности. Можно разве что предполагать в нем особое сочувствие к пьяненьким и убогоньким, к сирым и одиноким, – но от этого еще очень далеко до какой бы то ни было религии. Кстати, сочувствие это несколько насмешливое: оно похоже на богоугодное намерение создать новый коктейль или на усмотрение Десницы Божией в неравномерности пьяной икоты. Можно предположить, что Ерофеев насмешничает всерьез; но уличить его в серьезности, поймать на слове никак и нигде нельзя. Все слова неуловимы и даже неудержимы – они несутся мимо в шутовском хороводе, способном превратиться в словесную свистопляску.

И хоровод, и свистопляска – ритмы воспроизведения внешней действительности. Появляются и попадают, кривляются и взаимозаменяются многообразные обличья, составляя некую подозрительно знакомую общность. Поэма вполне может показаться изображением «изнанки» советской жизни, «поэтохроникой» брежневских времен. Но тут стоит вспомнить замечание Б.М. Эйхенбаума о прозе Кузмина: «когда кажется, что Кузмин «изображает», – не верьте ему: он загадывает ребус из современности». И очень идут к делу уточнения: «рассказ становится загадочным узором, в котором быт и психология исчезают – как предметы в ребусе. Современность использована как фон, на котором резче выступает этот узор». Замечания относятся не к одному Кузмину, а к тому типу игровой прозы, где повествование в первую очередь выразительно и в последнюю – описательно. Такова, скажем, проза Зощенко 20 – 30-х гг. Но у Зощенко рассказчик не занят самовыражением и все-таки излагает, а не сочиняет события. Веничка же – сказитель-выдумщик, обретающий себя в слове.

Слово полновластно, и поэма несет утоление тем, кто изголодался по слову не подсобному, а «самовитому», освобождающему от ощущения иллюзорности и неполноценности повседневного существования. Считать его таковым нет никаких оснований, равно как и замыкаться в его пределах. Наивный реализм закрепощает человека; надо лишь понять и почувствовать, что это – наваждение, и нежданно-негаданно окажешься на свободе, иной раз к собственному ужасу. И повседневность гораздо объемнее и многомернее, чем ее «зашоренное» восприятие.

Об этом и свидетельствует поэма, в которой утреннее похмелье, опохмел и попойка в электричке со случайными попутчиками, сон с перепою и вечерняя абстиненция претворяются в мистерию: приоткрываются религиозное и мифологическое измерения жизни, обнаруживается ее всеобъемлющая поэтическая значимость, бытовые мелочи обретают символическую окраску, всякое слово прокатывается эхом и оборачивается событием. Один из ранних рассказов Кафки назывался «Доказательство того, что жить невозможно»; поэма Ерофеева – открытие возможной полноты бытия, приятие обыденной жизни в самых неприглядных и невыгодных обстоятельствах.

Владимир МУРАВЬЕВ

Быть русским – легкая провинность

Пять лет тому назад Галина Ерофеева, вдова Венедикта Васильевича Ерофеева, с которой после смерти писателя я поддерживала отношения, пришла ко мне в редакцию и принесла обычную коробку из-под обуви. Ту самую коробку, в которой автор знаменитой поэмы «Москва – Петушки» хранил свои записные книжки и которую супруги постоянно куда-то запихивали, так что при надобности не всегда удавалось ее отыскать. Я уже несколько раз просила Галину дать мне почитать дневники Венички. Она давала: то одну записную книжку, то другую. На день-два. Потом приезжала и поспешно отбирала. А тут вдруг явилась сама: «Пусть они у тебя полежат в сейфе. Ты ведь хотела с ними поработать»... Вскоре редакционный сейф заполнился пакетами с ее бумагами и разными другими «нужными» вещами, которые то изымались, то вновь укладывались в недра «железного ящика». У Галины, что называется, были неприятности: она воевала с издательством «Интербук», по ее мнению, обманом приобретшего у умиравшего писателя «мировые» права на все произведения, конфликтовала с пасынком, Веничкой-младшим... О коробке же словно забыла.

Ерофеев в интервью, которое я записала в 1989 году, сказал: «У меня есть куча идей, рассыпанных в моих записных книжках, до сих пор не реализованных. С утра до вечера – гости. Нет ни одного дня свободного». Руководствуясь этими словами и тем, что записные книжки были под рукой и мне разрешено ими пользоваться, я делала выписки «на потом». Почерк у Ерофеева мелкий, малоразборчивый. Цитаты из разных авторов с собственными комментариями (иногда это просто слово или даже союз) – одним цветом, собственные конструкции и заготовки к пьесам и прозе – другим, события прошедшего дня – третьим. Ерофеев писал всю свою жизнь, ничего не скрывая: ни плохого, ни очень плохого...
Через пару месяцев я забеспокоилась: «Отчего ты не забираешь дневники?» – «Лучше бы им лежать здесь», – ответила Галина и унесла вскоре коробку, оставив мне взамен несколько переплетенных в твердый картон ксерокопий. А еще спустя несколько месяцев она погибла, выбросившись из окна своей квартиры на тринадцатом этаже...

Ирина ТОСУНЯН

С женой Галиной

Из записных книжек

1982 г.

● Подошел к осине. – Дрожишь? С тех пор все? Ну дрожи, дрожи.

● Как вспомнишь, что есть нечего, так смех берет.

Не одолев их буйной дури,
Он встал под знамя Ильича.
Теперь, мятежный, просит бури,
Как морда просит кирпича.

● Ты вышел из какой шинели?
Женский вариант:
А ты пришла с какой панели?

● Вот еврей – виноват в том, что он еврей. Француз заслуженно родился французом. А быть русским – это легкая провинность.

● А она говорит: я люблю только социально опасных мужиков.

● А я между этими двумя высокогрудыми куропатками – как буриданов орел.

● Заметный рост банкротских настроений.

● Почему я такой большой дядя, а веду себя, как маленькая тетя?

● И как жаль, что у нее только две коленки!

● О музыкальных вкусах. О хр<истианст>ве еще можно поспорить. А вот о духовом оркестре спорить нечего. Он чисто духовен.

● Она выковыряла меня на свет, как козявку из носу, но я уже не тот, я влезал на нее как невольник.

● Я, если мне заглянуть вовнутрь, напичкан экстравагантностями, но чудаком меня никто не назовет.

● Вот какие мы разные. Крот погибает уже после 14-часового голода. Зато клещи могут по неск<ольку> лет совсем не есть.

● «Ну и как теперь жить будем?» – «Это я посмотрю». – «А я?» – «А ты увидишь».

● Глупый Карлейль. Он говорил, что «правительства чаще всего погибают от лжи».

● Анекдоты: жених, чтоб развеселить публику на свадьбе, нахлобучил на голову чугун и не смог снять. Доставлен в больницу. Диагноз: «голова в инородном теле». (Было.) Вот и у меня так: голова на инородном теле.

● «На волнах мистики» в «омут порнографии».

● «Катя идет, как пишет. Одной ногой пишет, другой зачеркивает».

● Правда, к тому времени из меня уже будет струиться песок, ну так что же, должно же из человека что-нибудь да струиться, пусть не из души, так хоть откуда-нибудь.

● Меня еще спасает то, что каждый из них – один, а меня много.

1983 г.

● Общение с ним вызывает всего лишь «поверхностное натяжение».

● Хочется чего-то легкого, как поведение.

● В апреле, в б<ольни>це: один интеллигентик-шизофреник спрашивает ни с того ни с сего: «Вениамин Вас<ильевич>, а трудно быть Богом?» – «Скверно, хлопотно. А я-то тут при чем?» – «Как же! Вы для многих в России – кумир».

● Баба должна быть совершенно натуральной: понятливой, но одновременно глупой и многогранной. Т.е. быть и тонкой, и толстой, и слепой. И двенадцатиперстной.

● Ленин и теперь жалеет всех живых.

● Я такой безутешный счастливчик в кругу этих неунывающих страдалиц.

● Не хочу быть полезным, гов<орю> я, хочу быть насущным.

● Она по размерам и роскоши превосходит Версаль.

● Я бы пропил все сокровища Оружейной палаты, оставил бы только булыжник.

● Всю жизнь здесь лежу – но зато бесплатно – у врача спросил: сколько еще лежать? «Пока не подохнешь – бесплатно».

● Люди, которые не видят себе фронта работы.

1984 г.

● Настойчивость – это, по-моему, постоянное желание шлепнуть какой-нибудь настойки.

● Россию надо подморозить. Чтоб она не сгнила. Это, оказывается, Леонтьев.

● Хочу быть самым мыльным из всех пузырей.

● Что ж, и я Россию люблю. Она занимает шестую часть моей души.

● У меня хоть и серые глаза, но душа, душа у меня черноокая.

1985 г.

● При смертях Брежнева (82), Черненко (83), Андропова (84) – всякий раз кинорежиссер Сергей Герасимов: «Ушел от нас великий человек, но пульс страны бьется ровно».

● А о госпоже Де Сталь: «Эту женщину удостоил Наполеон гонения...»

● Я, например, считаю, что если на Францию правильно глядеть – то она расположена справа, а Германия – слева.

● Почему это я должен быть приятным? Даже и в новой Конституции нет такой статьи – быть приятным.

● И ходят вместе, противные, обнявшись, как корь со свинкою.

● Не забыть: радио «Свобода» в апреле месяце сообщило о моей кончине.

● И Марк Твен сказал: «Быть хорошим – очень изнашивает человека».

● Если и стрелял, то только глазами стрелял, если кто острое-доброе скажет. Если и вешал, то буйну головушку на грудь. И топил если, то горе свое в вине топил. И правду-матку резал, а больше никого не резал. А если иногда и насиловал – то разве что факты в угоду предвзятой идее. И т.д.

Общая газета

Главный редактор номера: Анатолий КОСТЮКОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
© **Общая газета.** Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА.
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН.
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ.
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛОУХИНА. Тел.: 915-70-40

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты».
Технический директор Валерий МАКАРОВ.
С этим знаком публикуются пресс-релизы, информационно-рекламные материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов
Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **270668 экз.** (региональный – 190000 экз.).
Цена свободная.
Розничное распространение в Московском Метрополитене – агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене – ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.

Номер подписан в печать 21. 10. 98 г.
Заказ 2889.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** ogtech @corbina.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet:** www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com. **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редакторат: Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. **Дирекция выпуска:** Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Литературный редактор: Ирина ДЕМЕНТЬЕВА. **Руководители направлений:** Сергей ВАРШАВЧИК (СМИ), Дмитрий ГОРБАНЕВ (информация). Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Ерлан ЖУРАБАЕВ (международная жизнь), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право), Софья СТАРЦЕВА (письма). **Обозреватели:** Наталья АЛЯКРИНСКАЯ, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Елена ДИКУН, Геннадий ЖАВОРОНКОВ, Юрий РОСТ, Лев СИГАЛ, Дмитрий СОКОЛОВ, Марина ТОКАРЕВА.
Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор РЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Вадим РЕЧКАЛОВ (Минск), Аркадий РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРЕТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. **Финансовый директор** Дмитрий ШАЛИН. Директор по развитию Елена РЫМКО .